

DOI 10.24412/1026-8804-2022-2-5-10

Арктика: многомерное пространство полидисциплинарных исследований. Представление рубрики

Когда задумывалась тематическая рубрика, мы предполагали ограничиться противоречиями, проблемами и возможностями сотрудничества в континентальной Арктике, в том числе и потому, что там протекают более сложные и многогранные общественные процессы, которые формировались на протяжении многих десятилетий. Однако поступившие в журнал работы заставили совершенно по-иному посмотреть на объект исследования. Вместе авторы, несмотря на то что представляли разные науки и касались в статьях различных аспектов истории и современности региона, не только исследовали разные грани арктических проблем, но и фактически обозначили новую фундаментальную проблему. Именно её рассмотрению и посвящено введение в рубрику.

Арктика стала осваиваться европейскими переселенцами с началом нового времени, когда русские землепроходцы закрепились на севере Западной Сибири, а затем освоили обширные пространства от Урала до Тихого океана и Аляски; когда французские поселенцы стали уходить в глубь североамериканского континента, основывать фактории для промысла пушного зверя. Уже на тех ранних этапах проявились две черты, характерные для этого региона и определяющие проблематику его исследований.

Во-первых, благодаря наличию обширных пространств суши и моря, в зависимости от использовавшихся средств передвижения арктический регион формировался в неразрывной связи континента и океана.

Во-вторых, Арктика к приходу европейских переселенцев не была *terra nullis*: там проживало большое число коренных народов, которые осваивали к тому времени морское и континентальное пространство региона на протяжении веков и тысячелетий. Взаимодействие аборигенов с прибывшими поселенцами обеспечило формирование особого уклада их совместного проживания на одной территории в хозяйственном, правовом и административном отношениях.

Во второй половине XIX — начале XX в. возрастает международный интерес к региону, активизируются арктические экспедиции полярных и неарктических держав. Логичным следствием этих процессов становятся интенсивная навигация по Севморпути и начало разработки рудных запасов сибирского, дальневосточного и канадского Севера, а также Аляски. В послевоенные годы хозяйственное освоение Арктики только усилилось

за счёт извлечения полезных ископаемых: нефти, газа, руд цветных металлов, алмазов. Экономический подъём региона пришёлся на годы холодной войны, которая сопровождалась чередой политико-экономических кризисов, влиявших на поставки как углеводородов, так и руд. Параллельно происходило развитие стран, которые в предыдущие десятилетия составляли хозяйственную периферию мира. В совокупности эти факторы не только повысили спрос на арктическое сырьё, но и привели к активному вовлечению неарктических стран в дела региона.

В целом к началу XXI в. в Арктике сформировалось три ключевых проблемных пространства: континентально-морская дихотомия, влияющая на магистральное хозяйственное развитие; взаимодействие коренных народов и потомков европейских переселенцев в бесконечном множестве жизненных аспектов; интернационализация региона за счёт вовлечения в его дела неарктических стран. В той или иной степени перечисленные проблемы неоднократно исследовались российскими и зарубежными учёными, был создан международный проект Арктических ежегодников¹, которые акцентируют внимание на человеческой, политической и общественной составляющей региона. Издание журнала «Арктика: экология и экономика»², который публикует исследования главным образом по технической, естественно-научной и экономической проблематике, свидетельствует о консолидации исследовательского сообщества России, анализирующего развитие арктического региона. В то же время нельзя не отметить, что этот отечественный исследовательский проект продолжает традицию, возникшую в Канаде в 1950-х гг.: там издаётся журнал «Arctic» с похожим содержанием³.

Однако больше внимания социально-экономической составляющей региона в рамках тематических выпусков уделяет Всероссийский экономический журнал «ЭКО»⁴. Как следствие, в настоящее время складываются две ветви мирового североведения: естественно-техническая и социально-гуманитарная, а экономические науки претендуют на то, чтобы выполнять между ними функцию мостика.

Но неужели мы, исследователи высоких широт, способны построить только один мост? Не логичнее ли нам возвести несколько мостов, находить и устанавливать более сложные связи в процессе анализа северной и арктической проблематики? В этой связи хочется отметить, что проблемы обществ континентальной Арктики, более сложных по своему составу, чем в морской части региона, незаслуженно остаются в стороне. Нет, ни в коем случае мы не хотим сказать, что они не изучаются, но они почти не рассматриваются как поле для более глубокой интеграции дисциплин, а их анализ не до конца осознаётся ресурсом для более интенсивного

¹ Arctic Yearbook. URL: <https://www.arcticyearbook.com> (дата обращения: 15.02.2015).

² Арктика: экология и экономика. URL: <http://arctica-ac.ru> (дата обращения: 10.02.2022).

³ Arctic. URL: www.arcticjournal.org (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Всероссийский экономический журнал «ЭКО». 2016. Т. 46. № 3; 2016. Т. 46. № 5; 2017. Т. 47. № 8; 2020. Т. 50. № 12; 2021. Т. 51. № 1.

развития теоретической и прикладной науки. В этом ключе исследования континентальной Арктики остаются эпизодическим явлением⁵, а в ряде случаев носят локальный характер⁶. Последнее указывает на необходимость преодоления сложившейся тенденции.

Поскольку наука не в состоянии в одночасье переломить сформировавшиеся представления об объекте и предмете исследования, ключевые цели тематического выпуска состоят в том, чтобы суммировать опыт освоения Арктики и Севера предшествующих лет, а также обозначить наиболее перспективные для исследования проблемы.

Тематическую рубрику открывает статья **Д.М. Перцева**, поднявшего важную фундаментальную проблему. Кому-то его исследование может показаться глубоко историческим, однако проведённый анализ имеет прямую связь с настоящим и будущим. Так, автором тщательно реконструируются базовые модели организации обществ коренных народов Севера и способы хозяйствования в условиях присваивающей экономики, развивавшейся в суровых условиях хрупкой арктической природы, которые формировались на протяжении долгих столетий и наложили существенный отпечаток на векторы взаимодействий этих обществ как между собой, так и с окружающей их естественной средой. Д.М. Перцев справедливо указывает, что понять логику данных процессов невозможно без подробного изучения наиболее ранних этапов освоения Арктики человеком, но при этом подчёркивает, что изучение этих аспектов зарубежной антропологией находится под сильным влиянием политических и экономических интересов, а это, в свою очередь, затрудняет проведение объективного междисциплинарного исследования, которое могло бы способствовать не только стабильному развитию региона, но и сохранению сложившегося там равновесия между человеком и природой.

Статья **А.Ю. Чемашкина** и **А.П. Шихвердиева** посвящена проблеме арктического этнического сепаратизма на территории России. Хотя она находится в латентном состоянии, основной посыл исследователей состоит в том, что лучше предотвратить усиление, чем ждать, когда она разрастётся до масштабов угрозы. Авторами выделяются следующие причины, формирующие сепаратистский потенциал: дисбаланс советского территориально-административного деления, которое не учитывало особенностей расселения локальных групп; возникновение этнокраеведческих инициатив; либеральный национальный дискурс, который может быть использован зарубежными политическими силами в условиях экономического кризиса для расшатывания этнополитической обстановки в российской

⁵ Barre K. de la. Northward Looking — A Strategy and a Science Policy for Northern Development Science Council of Canada. Report No. 26 // Arctic. 1979. Vol. 32. No. 2. P. 170—175; Пилясов А.Н. Северная футурология: следующие двадцать лет // Арктика: экология и экономика. 2014. № 3. С. 62—71.

⁶ Colton J.W. Indigenous Tourism Development in North Canada: Beyond Economic Incentives // The Canadian Journal of Native Studies. 2005. Vol. 25. No. 1. P. 185—206; Petrov A.N. Talent in the Cold? Creative Capital and the Economic Future of the Canadian North // Arctic. 2008. Vol. 61. No. 2. P. 162—176.

Арктике. Однако простым предупреждением исследователи не ограничиваются и предлагают набор мер проактивного характера для купирования потенциальных рисков, а также для использования соответствующих инициатив в экономическом, социальном и культурном аспектах. Это, с их точки зрения, позволит теснее инкорпорировать локальные и национальные группы Севера в общее социальное и государственное пространство.

Далее следуют три статьи исторического блока, в которых суммирован опыт освоения восточно-сибирской и дальневосточной частей Арктики. **А.Д. Васильев** сквозь призму персональной вовлечённости И.Д. Рудакова исследует опыт управления континентальными и морскими пространствами Севера в первой половине XIX в. Наиболее полно им раскрывается проблема обширного пространства, которая негативно влияла на управленческие новации на восточных окраинах России, а также проблема отношений государственной власти и коренных народов, которые были сопряжены с разработкой новых регулирующих мер, направленных на снижение социальной напряжённости, экономическое развитие и хозяйственную интеграцию аборигенного населения в общероссийские процессы. Успехи и неудачи И.Д. Рудакова во многом стали свидетельствами проблем и ограничений модели управления Севером, которая использовалась императорской Россией.

Отмена крепостного права, масштабное переселение в Сибирь и на Дальний Восток, активная модернизация экономики в конце XIX — первой половине XX в. повлекли за собой поиск новых форм управления регионом, необходимых ещё и в связи с тем, что хозяйственный фронт подошёл к наименее освоенной и наиболее суровой части региона — Колыме. Существование мощного репрессивного аппарата в сталинскую эпоху привело к возникновению специфической формы управления на Северо-Востоке СССР в рамках Дальстроя. Вместе с оттепелью в регионе была ликвидирована прежняя система, и началось руководство, основанное на общих для Советского Союза принципах. Этот опыт подробно исследовал **П.С. Гребенюк**, чью статью можно охарактеризовать как первый шаг на пути создания интегральной картины управления и хозяйственного развития Колымы в постсталинские годы. Ценность этого исследования состоит в том, что в нём суммируются достижения прошлых аналитических изысканий, реконструируются наиболее значимые длительные тенденции в обществе, руководящих структурах Магаданской области, носившие как позитивный, так и негативный характер. В целом автору удалось реконструировать картину прошлого, оценив преимущества и ограничения исследовательских методов, а также выделить сохраняющиеся аналитические лакуны, которые пока не позволяют построить целостную модель явления.

Обширное континентальное пространство Севера предполагало не только изменение подходов к управлению, но и внедрение новых технологий, сближающих людей и уменьшающих расстояния. Истории авиационного транспорта в Магаданской области посвящена статья **М.В. Третьякова**, который рассматривал проблемы воздушного сообщения. В целом проведённое им исследование свидетельствует о недостатках в работе

советской северной авиации, а также указывает на актуальность развития соответствующей отрасли через интеграцию производства, технического обслуживания и создание возможностей для постоянной модернизации техники, приспособленной к тяжёлым условиям региона.

В следующей за историческим блоком статье **В.Е. Болдырева** рассматриваются проблемы влияния объективного и субъективного начал на хозяйственное управление на канадском Севере. В ней проанализирована эволюция управленческих подходов как на федеральном, так и на провинциальном уровнях, что позволило обозначить общую картину районирования, а также выявить перспективные векторы этого процесса. В частности, при длительном освоении Севера присутствовало сложное районирование, происходил отказ от акцента на искусственно привнесённые в регион практики, в то время как на землях, которые попали в поле интересов федеральной и провинциальных администраций, сравнительно недавно этот процесс был подчинён дихотомической логике. Учитывая опыт хозяйственного освоения и существующие подходы канадских властей к районированию, автор выделяет обширные субрегионы Севера. В целом это исследование призвано продемонстрировать значимость учёта собственно арктических факторов при районировании северного пространства в ходе его развития.

Завершается тематическая рубрика статьями, которые посвящены международной проблематике региона. В центре их внимания, как бы это ни казалось парадоксальным, оказались вовсе не циркумполярные страны, а Китай, который позиционирует себя «почти арктическим государством» и стремится играть всё более активную роль в делах региона наравне со странами арктической восьмёрки. В публикациях раскрываются два аспекта современной международной повестки: участие неарктических государств в экономическом освоении Севера и реакция арктических государств на политику КНР.

Исследование **А.И. Лабюк** посвящено отношениям России и Китая в Арктике в двух ключевых сферах: ресурсно-энергетической и транспортной. Особенность этого исследования состоит в том, что взаимодействие двух стран рассматривается во взаимосвязи с морским и континентальным пространством, а периферийные регионы России (Север и Дальний Восток), которые всегда требовали больших инвестиционных затрат и нетривиальных технологических решений, интерпретируются как целое. После введения антироссийских санкций в 2014 г. Китай фактически стал ключевым инвестором в российскую арктическую экономику, повышая риск сузить окно международного логистического, технологического и экономического партнёрства для российской Арктики. Автором справедливо указывается, что, не будучи циркумполярным государством, КНР стремится получить доступ к региональному управлению через экономические, научно-исследовательские, транспортные и иные проекты не только в России, но и за её пределами. В связи с этим в заключении статьи содержится оправданное предложение делать больший акцент на использование национальных ресурсов для развития российской Арктики.

И.А. Соков, в свою очередь, сосредотачивается на том, как за рубежом реагируют на активизацию арктической политики Пекина. Отдавая должное китайской арктической стратегии как сложной комбинации глобальных, региональных и двусторонних механизмов по продвижению своих национальных интересов, западные эксперты, как справедливо замечает автор, акцентируют внимание на рисках сотрудничества с Китаем. Во-первых, ввиду активного взаимодействия КНР со странами Северной Европы при усиливающейся конфронтации Вашингтона и Пекина, в регион с относительно предсказуемой обстановкой может прийти политическая нестабильность. Во-вторых, большие объёмы накопленных средств, которые сейчас Китай стремится инвестировать в проекты по всему миру, по оценкам канадских аналитиков, создают риск вытеснения из Арктики китайскими вложениями остальных инвесторов, включая национальных. Растерянность экспертного и аналитического сообществ позволила автору констатировать, что китайская финансовая, исследовательская, транспортная и экономическая вовлечённость в дела Севера является естественным процессом, который в последующие годы будет только усиливаться.

Весьма обширный круг проблем, которые поднимают исследователи, указывает на то, что изучение Арктики и Севера находится на пересечении исторических, политических, технических, экономических, географических и иных наук. Смещение акцента с морской проблематики на континентальную позволило существенно расширить круг вопросов, требующих изучения, причём не столько с целью понимания и осмысления прошлого, сколько для составления прогнозов с учётом имеющегося опыта, а также, что ещё более важно, для разработки принципиально нового исследовательского и аналитического инструментария, основанного на достижениях разных дисциплин, приспособленного к особенностям региона.

В целом авторы надеются, что проведённые ими исследования достаточно чётко обозначают необходимость более глубокого объединения знаний об Арктике и Севере, чтобы, с одной стороны, обеспечить поступательное социально-экономическое развитие региона, с другой — способствовать не только охране его природных богатств, но и сохранению нематериального наследия, которое формирует среду межчеловеческих взаимодействий. Поиск сбалансированной и наиболее благоприятной модели регионального развития сохраняет свою актуальность и потребует в дальнейшем расширять и углублять знания об Арктике. Как видится, в перспективе такой подход позволит урегулировать спорные вопросы, избавиться от страхов и снизить риски, что позволит развязывать возникающие на Севере узлы противоречий и сделать его пространством для взаимовыгодного сотрудничества.

В.Е. Болдырев,

канд. ист. наук, научный сотрудник
Центра глобальных и региональных
исследований ИИАЭ ДВО РАН